

— Мама... — Ло Пинпин неуверенно посмотрела на свекровь, пытаясь понять смысл ее слов. Затем ее сердце сжалось, и она, запинаясь, спросила: — Ты хочешь сказать, что Лю Сянсян, она... Она...

— Что она сделала? — выражение лица Ву Гуйчжи стало серьезным, ее взгляд стал холодным и острым, когда она прервала Ло Пинпина.

— Она и Эрху живут хорошо!

Ло Пинпин на мгновение поперхнулась, но не смогла сдержать свои мысли.

— Мама, ты хочешь сказать, что Лю Сянсян кого-то украла? — Она тут же сама себя опровергла. Лю Сянсян бы не осмелилась.

Но лицо Тан Сюя было слишком красивым, и в нем не было ничего похожего на Лю Сянсян.

Она на мгновение расширила зрачки, и ее голос задрожал:

— Мама, может быть, Сюй-гер, Сюй-гер - это не... Не ее ребенок?

Лицо Ву Гуйчжи похолодело, и она похлопала ее по руке:

— Заткнись, говори тише! Оставь это при себе и никому больше не говори!

Ло Пинпин непонимающе посмотрела на нее:

— Мама, а что, если это правда? Разве Эрху не избьет Лю Сянсян до смерти?

— Эрху ничего не заметил за все это время. Если ты ничего не скажешь, он не узнает, — Ву Гуйчжи пристально посмотрела на нее. — Просто сделай вид, что мы никогда не разговаривали об этом сегодня. Если Эрху узнает из-за тебя, я заставлю Даху развестись с тобой!

Ло Пинпин лишилась дара речи.

— Мама, разве я не могу надеяться на лучшее для нашей семьи? Не волнуйся, я никому об этом не скажу.

Погрузившись в свои мысли, свекровь и невестка вернулись в дом. Пожилая женщина прислонилась к кану, думая о невероятно красивом лице Тан Сюя. Ее мысли блуждали, рассматривая не только возможности, но и невозможности.

Что было невозможного?

Тан Сюй был добросердечным, но жалким духом, река не хотела, чтобы он утонул, поэтому он вселился в него! Теперь тот, кто жив, – не настоящий Тан Сюй, а дух!

Говорят, что все горные духи очень красивы, умны и красноречивы. Старушка испугалась до холодного пота, сжала руки в кулаки и закрыла глаза, непрерывно повторяя «Амитабха».

С другой стороны, мысли Ло Пинпин были проще. Она лишь подумала, что, возможно, Лю Сянсян с самого начала знала, что ребенок не от нее, иначе она не стала бы так плохо обращаться с ним с самого детства. Насколько она помнила, Лю Сянсян никогда не проявляла ни капли материнской любви к Тан Сюю.

Ло Пинпин вздохнула, заставляя себя больше не думать об этом. Если она будет слишком много об этом думать, то может заговорить во сне.

***

Тан Сюй упомянул имя Вэй Дуна при бабушке, и, судя по тому, что он понял сегодня, старушка, похоже, больше не хотела вмешиваться в его дела. В любом случае, отношения между бабушкой и внуком не были очень близкими, так зачем так беспокоиться? Просто живи своей жизнью.

При таком раскладе все были довольны. Если они не доставляли себе хлопот, то они могли в нужный момент помочь Лю Сянсян отвязаться от него. Тан Сюй вернулся домой в очень хорошем настроении, почистил всю рыбу, приготовил потроха, нарезал их и попросил А-Ли покормить ими кур.

— Старший брат!!! Ух ты, ты наконец-то вернулся!!! — Тан Ян вбежал с улицы, увидел, что Тан Сюй чистит рыбу, и бросился к нему с криком: — Я умираю от голода!

Тан Сюй пожал плечами:

— Увидев меня, ты можешь думать только о еде?

Тан Ян невинно моргнул, выпрямился и сказал:

— Но я еще не обедал, я так голоден. И почему ты не сказал мне, что возвращаешься? Мама сказала, что ты ходил в дом дикаря, это правда? Старший брат, кто такой этот дикарь?

Губы Тан Ли слегка дрогнули, когда она стояла рядом с ними. Ей показалось, что брат сказал это нарочно.

— Ты хочешь знать? — Тан Сюй не злился и улыбался, глядя на него искоса. — Хм?

Тан Ян вздрогнул и энергично замотал головой:

— Я не хочу знать, я больше не хочу ничего знать, старший брат, пожалуйста, не сердись.

Тан Сюй приподнял бровь:

— Сколько тебе лет?

Тан Ян был озадачен:

— Мне шесть. — Он не понимал, почему старший брат спрашивает его об этом.

Тан Сюй мягко улыбнулся, но его слова пронзили невинное сердце Тан Яна:

— А-Ян, старший брат собирается замуж, и ты долго не будешь меня видеть. Ты будешь каждый день спорить с мамой и папой?

Глаза Тан Яна расширились от шока.

— Я... Я...

Увидев, что его глаза покраснели, Тан Сюй наклонился вперед и стукнулся лбом о лоб Тан Яна:

— А-Ян, тебе уже шесть лет. Есть много вещей, которых ты не понимаешь, не потому что не можешь, а потому что не хочешь. Ты самый младший в нашей семье, мама и папа любят тебя, даже если они ругают или шлепают тебя, это потому, что ты сам их спровоцировал, верно?

Тан Ян надулся, шмыгая носом.

— Старший брат, я был неправ.

— Когда папа вернется, ты должен извиниться перед ним. А-Ян, ты уже большой мальчик, ты можешь смело признавать свои ошибки. — Тан Сюй снова ударился о его лоб.

Тан Ян кивнул:

— Я понимаю.

— И в будущем ты не должен плакать и ныть каждый раз, когда что-то случается, — Тан Сюй воспользовался возможностью поучить мальчика. — Если ты продолжишь так делать, твоя семья тебя разлюбит.

Тан Ян снова кивнул, затем подошел и обнял Тан Сюя за шею, прижался лицом к его лицу и заворковал:

— Я знаю, что был неправ, старший брат. Я больше так не буду. Пожалуйста, не выходи замуж.

— Извини, малыш, — Тан Сюй тихо усмехнулся, — взрослые мужчины и женщины женятся, когда становятся старше. Когда твой старший брат станет достаточно взрослым, он выйдет замуж. А когда ты вырастешь, ты тоже женишься.

Тан Ян надул губы. Конечно, он все это знал. Но когда он подумал о том, что его старший брат выйдет замуж, переедет в чужой дом и будет редко возвращаться, ему стало очень грустно. Он понял, что больше не сможет каждый день есть еду, которую готовил его старший брат.

— Ву-ву-ву, мне так грустно. Старший брат, пожалуйста, возьми меня с собой, когда выйдешь замуж. Я хочу выйти замуж вместе с тобой! — Тан Ян вытер слезы, его слова были полны искренних эмоций.

— Что ты только что сказал, маленький негодяй! — Тан Эрху ворвался в комнату и сразу же услышал слова Тан Яна, придя в ярость.

Лицо Лю Сянсян тоже изменилось. Она подбежала и оттащила Тан Яна в сторону, сильно тряся его за плечи.

— Как ты мог такое сказать? Если другие услышат, они будут над тобой смеяться! Как у меня мог родиться такой бесполезный сын, как ты!

Тан Ян был так сильно потрясен, что его лицо исказилось от боли, он сопротивлялся и размахивал руками.

Тан Сюй потянулся к ней, чтобы остановить:

— Мама, А-Ян просто пошутил. Не тряси его.

Лю Сянсян всегда хотела придрататься к Тан Сюю при любой возможности. Увидев, что он наклонился, она последовала примеру Тан Яна и отпустила его. На этот раз она схватила Тан Сюя не за лицо, а за руку.

Она ущипнула Тан Сюя за руку, и его лицо помрачнело.

Он посмотрел на свою руку, она была в порядке, просто красная, но не сломанная.

— Мама, ты меня поцарапала, — сказал он, слегка расширив глаза и подув на руку. — Больно.

Тан Эрху сердито посмотрел на Лю Сянсян:

— Зачем ты поцарапал Сюй-гера? Ты это нарочно сделала?

Лю Сянсян была в ярости. Сегодня ее дразнили весь день. Над ней смеялись весь день, и она чувствовала себя обиженной. Но она не осмеливалась спорить с Тан Эрху, поэтому просто стояла, кипя от злости.

— Я сделала это не нарочно. Сюй-гер, как ты себя чувствуешь? Позволь маме приложить к тебе лекарство, — она сказала это, но не сдвинулась с места.

Тан Сюй испытывал физическое отвращение всякий раз, когда видел ее. Он покачал головой, выдавил из себя улыбку и сказал:

— Все в порядке, мама. Оставь лекарство себе.

Сказав это, он повернулся к Тан Эрху, широко улыбнулся, поднял брови и указал пальцем:

— Папа! Смотри, Вэй Дун дал мне много крупной рыбы. Я только что ходил в старый дом и отдал две рыбки бабушке и тете. Они были очень рады.

Тан Эрху фыркнул, не скрывая своего плохого настроения.

— Он проводил тебя?

— Да, пап, откуда ты знаешь? — Тан Сюй откинулся на спинку маленькой деревянной скамьи, продолжая чистить рыбу, и мельком увидел, как Лю Сянсян наклонилась, чтобы взять Тан Яна на руки, вероятно, собираясь ласково отчитать своего младшего сына.

Что касается воспитания, Тан Сюй не хотел вмешиваться.

В этой семье Тан Эрху всегда был главным.

Осчастливение его дешевого отца могло бы избавить его от многих неприятностей.

— Я видел, — Тан Эрху снова фыркнул и спросил: — Твоя бабушка спрашивала тебя об этом,

когда ты ходил в старый дом?

— Да, она спросила, и я ей рассказал. Вэй Дун действительно хороший парень, я это не выдумал, — уверенно сказал Тан Сюй, промывая мозги Тан Эрху той же историей, которую он рассказал бабушке и тете ранее, подчеркнув, что, если он переутомится и получит травму, это может повлиять на его способность иметь детей в будущем.

Глаза Тан Эрху расширились, когда он слушал, полностью поддавшись влиянию слов Тан Сюя.

— Ладно, ладно, я понял. С ним все в порядке, в отличие от того, что говорят снаружи. Тебе больше не нужно ничего говорить, — он устало махнул рукой. — Ты теперь слишком упрямый, никого не слушаешь.

— Если кто-то скажет что-то разумное, я точно не проигнорирую это, — игриво сказал Тан Сюй, пытаясь обнять Тан Эрху, но Тан Эрху с отвращением увернулся в сторону.

— Уйди, от тебя пахнет рыбой.

— Отец, ты поступаешь неправильно. Даже если рыба вкусная, ее нужно как следует почистить. Как ты можешь не любить запах рыбы? — Тан Сюй потянулся, чтобы схватить его, но Тан Эрху увернулся и сердито посмотрел на него.

— Иди, иди, иди, иди готовить.

Сказав это, он поспешил уйти, словно боясь, что Тан Сюй снова подойдет к нему.

Все в семье были очень довольны ужином. Рыба была крупной, и в ней было мало мелких костей, так что ее было легко есть. Тан Эрху кивал во время еды и в конце похвалил:

— Вэй Дун довольно искусен.

Тан Сюй взял свою миску с супом и кивнул в знак согласия:

— Более чем искусен. Если бы у него не было таланта, как бы он смог построить такой большой дом? Я никогда раньше не видел такого большого дома. Столько комнат, а двор особенно большой. О, я еще нарвал цветов акации. Завтра я приготовлю булочки с цветами акации на завтрак.

Тан Эрху ничего не смыслил в кулинарии и никогда не слышал о булочках с цветами акации, но, полагаясь на кулинарные способности своего ребенка, он с нетерпением ждал завтрашнего завтрака.

Помыв посуду, Тан Ли взяла три куса льняной ткани, которые она соткала, и пошла искать Тан Сюя, но его не было в комнате. Тан Сюй вышел со двора и увидел ее стоящей у двери. Он окликнул ее:

— А-Ли, тебе что-нибудь нужно?

— Брат, как мне это сшить? — Тан Ли показала ему, что у нее в руках. Тан Сюй попросил ее войти и зажег масляную лампу.

— Когда шьешь льняной нитью, убедись, что она правильно натянута, вставь иглу в отверстие и пройди вдоль края, не оставляя слишком много свободного места, иначе будет неудобно носить эту вещь.

Тан Ли кивнула и последовала его указаниям, чтобы сделать несколько стежков.

— Вот так?

— Да, А-Ли, ты очень умная, — Тан Сюй подпер подбородок рукой, опершись локтем о стол, и некоторое время наблюдал, как Тан Ли шьет. — Тебе в этом году одиннадцать лет будет, да?

Тан Ли посмотрела на него:

— Брат, почему ты вдруг забеспокоился о том, сколько мне лет. Чтобы сравнить с А-Яном?

— Вы с ним на четыре года старше, и ты гораздо взрослее его, — усмехнулся Тан Сюй. Тан Ли не была похожа на типичную десятилетнюю девочку. Она была очень зрелой, вероятно, из-за того, что выросла в бедной семье и в юном возрасте взяла на себя ответственность. Обычно она была тихой, но довольно задумчивой.

Действительно, не по годам развитая и умная молодая девушка.

Если такого ребенка хорошо обучить, в будущем он станет выдающимся. Если его плохо обучить, страшно представить, кем он станет.

За последний месяц, когда они начали общаться, ему сначала приходилось напоминать этой девочке обо всем, что она говорит и делает, а теперь он видел, что она проявляет инициативу и относится ко всему серьезно. Можно сказать, что ее мировоззрение сильно изменилось.

Тан Ли поджала губы, смущенно улыбаясь, ее щеки покраснели.

— Брат, я надеюсь, что в будущем у меня будет хорошая жизнь, — сказала Тан Ли, не глядя на

него.

Тан Ли продолжила свои движения:

— Я заметила, что брат сильно изменился. Такой брат особенно хорош, и он хорош для меня. Брат много знает, и я хочу учиться у него.

Тан Сюй усмехнулся и нежно погладил ее по голове.

— Хм, брат научит тебя.

Эта маленькая девочка такая интересная.

Брат и сестра немного поболтали перед сном.

***

Однако два брата из семьи Вэй не так быстро успокоились, особенно Вэй Си, которому брат разрешил выпить только миску супа на ночь. Он не был голоден, но хотел есть.

Вэй Си, лежа на кане, накрылся одеялом и притворился, что тихо плачет. Его голос был негромким, но достаточным для того, чтобы его старший брат, стирающий во дворе, услышал.

Он не осмеливался плакать слишком сильно, потому что, если бы он заболел, брат точно разозлился бы.

Вэй Дун закончил стирать одежду и повесил ее на веревку для сушки. Благодаря своему хорошему слуху он услышал плач, доносившийся из комнаты Вэй Си, и вздохнул, вспомнив выражение лица ребенка во время ужина. Он покачал головой, открыл дверь и вошел в комнату.

Вэй Си услышал звук и быстро высунул голову из-под одеяла, нетерпеливо глядя на брата и хныкая, как маленький котенок:

— Я голоден~ Я так голоден, что не могу уснуть~!

— Ты съел миску супа, три кусочка редиса, четыре кусочка ребрышек и даже кусочек булочки на пару, — Вэй Дун безжалостно разоблачил актерские способности своего брата. — Тан Сюй сказал, что ты сегодня слишком много съел, на ночь я бы тебе вообще ничего не дал.

Вэй Си закрыл лицо руками и захныкал, а Вэй Дун почувствовал, как у него начинает болеть

голова.

Он не умел утешать детей.

Сжав переносицу, Вэй Дун сказал:

— Если ты не будешь вести себя хорошо, когда Тан Сюй придет в следующий раз, я ему расскажу.

Вэй Си широко раскрыл глаза, не в силах поверить, что его брат, такой хладнокровный человек, на самом деле настучит на него!

О нет!

Он чувствовал себя таким обиженным, оказавшись перед дилеммой.

— Хорошо, можно мне завтра утром съесть рубленое мясо с кашей? Рубленое мясо, приготовленное братом Сюй, такое вкусное! — Вэй Дун без выражения кивнул, он даже не попробовал рубленое мясо.

Подумав, что это подарок Тан Сюя для Вэй Си, и вспомнив, что на его ногах тоже подарок Тан Сюя, он почувствовал себя значительно лучше.

— Иди спать, — сказал он, развернувшись и выйдя из комнаты.

Приняв холодный душ, Вэй Дун вернулся в свою комнату и сел на циновку, некоторое время глядя на носки из конопляной нити, лежавшие рядом с ним, а затем внезапно нахмурился.

Он вспомнил разговор со своей старшей тетей, когда пришел к ней за одеждой, и его настроение снова испортилось.

***

Отмотаем время назад.

Вэй Дун, вернувшись в деревню, сразу же отправился в дом Ву Вэймина. Он не стал заходить в дом, а вместо этого передал медные монеты Вэй Чжунхун во дворе и собирался уйти с одеждой. Однако Вэй Чжунхун остановила его.

— Дунцзы, не уходи пока. Посиди немного. Я приготовлю тебе сладкий суп, — сказала Вэй Чжунхун.

Вэй Дун покачал головой:

— Не нужно. Тебе есть что мне сказать?

Вэй Чжунхун подала ему два маленьких деревянных стула, приглашая сесть, и они сели друг напротив друга.

— В последние два года ты довольно часто ходишь с места на место в деревне, верно? Ты встречал кого-нибудь по имени Сюй-гер?

Вэй Дун кивнул:

— Да, а что насчет него?

— Какой он человек? — Вэй Чжунхун знала характер своего племянника и не стала ходить вокруг да около, а сразу перешла к делу.

Сердце Вэй Дуна забилося чаще, когда он подумал о том, что его спросят о Тан Сюе, как только Ву Вэймин вернется домой. Он догадался, что его старшая тетя, должно быть, услышала об их отношениях от Ву Вэймина.

Похоже, его старшая тетя планировала расспросить о его личных делах.

— Он очень хороший.

Эти сухие три слова поставили Вэй Чжунхун в тупик, и она не знала, как продолжить разговор.

Вэй Дун тоже понял, что, кажется, испортил разговор, поэтому он вспомнил, как вел себя Тан Сюй, когда они были вместе, и почувствовал теплоту в глазах.

— Он хорошо придумывает истории, много знает о дикорастущих овощах, очень способный и готовит вкусную еду.

Вэй Чжунхун кивнула, а затем спросила:

— Как он выглядит?

Вэй Дун: «...»

Он потер пальцем нос и кивнул:

— Из всех людей, которых я встречал, он самый красивый.

<http://bllate.org/book/14316/1267381>